

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (66)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (66)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Уваров С.Н.^a, Чернышева Н.В.^{b,*}^a Удмуртский государственный аграрный университет, ул. Студенческая, 11, Ижевск, 426069^b Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1, Москва, 119333

E-mail: sergey.uvarov@mail.ru (Уваров С.Н.); natiche84@mail.ru (Чернышева Н.В.)

ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ ЖЕНЩИН-УДМУРТОК В 1920–1980-е гг.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассматриваются основные тенденции изменения образовательного уровня удмуртских женщин в Удмуртии в 1920–1980-е гг. и его результаты. Авторы выделяют и характеризуют три этапа. В 1920-е гг. важнейшей задачей была борьба с неграмотностью и создание национальных школ. В 1930–1950-е гг. происходит постепенное изменение задач обучения представителей отдельных национальностей. В 1950–1980-е гг. наблюдаются быстрый рост уровня образования удмуртских женщин, в том числе профессионального, размытие этнических и гендерных различий.

Ключевые слова: удмурты, женщины, уровень образования, Удмуртская АССР, советский период.

Ссылка на публикацию: Уваров С.Н., Чернышева Н.В. Динамика образовательного уровня женщин-удмурток в 1920–1980-е гг.: основные тенденции и результаты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 188–196. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-16>

Введение

Октябрьская революция 1917 г. открыла женщинам дорогу к массовому получению образования. В результате к 1980-м гг. их образовательный уровень в СССР сравнялся с мужским. Развитию образования в нашей стране в XX в. (в том числе — гендерному аспекту) посвящены труды В.Н. Архангельского, Ю.В. Зинькина, С.Г. Шульгина [2019], Г.А. Будник [2015], Г.М. Ивановой [2017], А.И. Репинецкого [2010а, 2010б], О.А. Хасбулатовой [2003, 2015, 2016] и др. На региональном же уровне тема изучена неравномерно. Особенно актуальной проблема ликвидации неграмотности женщин и последующего повышения их образовательного уровня оказалась в национальных регионах, поскольку ее решение осложнялось незнанием русского языка. В частности, малоизученной темой является повышение уровня образования у удмуртских женщин Удмуртии в 1920–1989 гг. Данной теме посвящены единичные работы О.И. Васильевой и В.С. Воронцова [2019, 2013, 2019], Т.Е. Никулиной [1996], А.П. Обухова [1972], К.А. Пономарева [1975, 1996], Г.Д. Фроловой [1971], Н.А. Шкляевой [1996], однако гендерный аспект в них затронут слабо и не рассматривается образовательный уровень женщин в различных возрастных когортах. Образовательную политику в Удмуртии, в том числе в отношении удмуртских женщин, рассматривала Л.В. Христоробова [2006]. Отдельные сведения об уровне образования удмурток приводятся в коллективной монографии «Удмурты: историко-этнографические очерки» [1993], по Удмуртии за 1926 и 1939 гг. — Г.Е. Корниловым [2015], за 1959–1989 гг. — А.И. Ажигуловой, Н.В. Чернышевой, С.Н. Уваровым, А.М. Мацук [Ажигулова и др., 2023; Мацук, 2023; Уваров, 2019].

Актуальность связана не только с малоизученностью темы. Как показали ученые, образовательный уровень может значительно влиять на процессы воспроизводства населения. Особенно сильно от него зависит рождаемость населения [Архангельский, 2006; Бондарская, 1977].

Повышение уровня образования населения, в частности женщин, влекло за собой изменение структуры потребностей, среди которых большее значение приобретали потребности духовные, а также расширение у женщин круга интересов, все сильнее выходящих за рамки узкосемейных. Непременное следствие этих перемен — рост занятости женщин в общественном производстве, в том числе на квалифицированных и высококвалифицированных работах, когда существенное значение приобретали уже моральные стимулы к труду. С ростом культурного уровня населения повышались требования и к уходу за детьми, их воспитанию [Бондарская, 1977, с. 72]. Значительное повышение образовательного уровня населения (особенно у женщин) прямо влияло на демографическую си-

* Corresponding author.

туацию, способствуя переходу к иному типу рождаемости, также оказывало влияние на младенческую смертность, общую смертность, брачное состояние.

Цель исследования — определить основные тенденции изменения образовательного уровня удмуртских женщин в Удмуртии в 1920–1980-е гг. и его результаты. Методологической основой является теория модернизации. Переход от традиционного общества к современному рассматривается сквозь призму культурных изменений, происходивших в советском обществе, важнейшей составляющей которых являлось повышение уровня образования населения. Авторы использовали общенаучные методы (анализа, обобщения, описания, систематизации), специально-исторические методы (историко-хронологический, историко-генетический и историко-системный), а также статистические методы, применяемые в демографии. Основными источниками исследования послужили материалы переписей населения, в том числе неопубликованные (Всероссийская перепись населения 1920 г., Всесоюзные переписи населения 1926 г., 1939 г., 1959 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г.). Часть документов, содержащих сведения о населении, впервые вводится в научный оборот.

Результаты исследования

Основываясь на этнодемографической статистике и исследованиях, посвященных уровню образования населения СССР в целом и проблемам образования отдельных народов, можно выделить три этапа.

1 этап — установление большевистской власти — 1920-е годы. В данный период важнейшей задачей советской власти были борьба с неграмотностью населения и создание национальных школ. Низкий уровень образования удмуртских женщин не оказывал существенного влияния на рождаемость. Сохранялся традиционный тип воспроизводства.

К моменту прихода к власти большевиков подавляющее большинство женщин региона были неграмотными. Перепись 1920 г. в Вотской автономной области выявила всего 22,1 % грамотных, но их распределение было очень неравномерным. В сельской местности, где проживало более девяти десятых населения области, у мужчин было 34,1 % грамотных, а у женщин — лишь 13,3 %, в городах — 73,3 и 58,9 % соответственно. Среди удмуртского населения грамотными являлись всего 14,7 % [Вотская автономная область..., 1926, с. 15]. У удмурток грамотных насчитывалось еще меньше — 6,3 % [Никулина, 1996, с. 72]. Одна из важнейших причин заключалась в том, что в дореволюционной России среди восточно-финских народов отсутствовала система обучения на родном языке [Васильева, Воронцов, 2013, с. 70, 75]. Ситуация кардинально изменилась после Октябрьской революции 1917 г. К 1920 г. на территории Сарапульского, Елабужского, Глазовского, Малмыжского уездов Вятской губернии, где преимущественно проживали удмурты, было открыто 176 удмуртских школ. Тем не менее до 40 % детей школьного возраста оставались вне школы, около 500 тыс. удмуртов не знали грамоты [Васильева, 1999, с. 89]. По переписи 1926 г., в Вотской автономной области доля грамотных насчитывала уже 33,0 %. Среди мужчин области грамотность была распространена сильнее (47,3 %), у женщин этот показатель равнялся 20,6 % [ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 62 а, л. 3]. У удмуртов грамотность тоже несколько выросла и составила 25,5 %, в том числе 11,9 % среди женщин [Удмурты..., 1993, с. 342]. Однако образовательный уровень рос в основном за счет молодых, старшие поколения продолжали оставаться неграмотными. Особенно низкой доля грамотных была в сельской местности у женщин в возрасте 50 лет и старше — всего 2,8 %. Среди уральских регионов это был самый низкий уровень [Корнилов, 2015, с. 36].

2 этап — 1930–1950-е годы. Происходит постепенное изменение задач обучения представителей отдельных национальностей. Так, начавшаяся в конце 1920-х гг. форсированная индустриализация потребовала грамотных кадров. Основной задачей национальной школы теперь являлась подготовка детей нерусских национальностей к обучению в русскоязычной школе. Показатель уровня грамотности населения увеличивался, в том числе среди представителей отдельных народов, образовательный уровень женщин постепенно повышался. Разрыв в образовательном уровне мужчин и женщин сохраняется, в том числе между сельскими и городскими жителями и представителями отдельных национальностей.

С 1930/1931 учебного года было введено обязательное начальное обучение детей. В 1930-е гг. в образовательной и языковой политике произошли изменения вследствие ужесточения политического режима. После фабрикации в 1932–1933 гг. «дела СОФИН»¹, арестов деятелей удмуртского просвещения (К.П. Герд, М.Н. Тимашев, И.Г. Векшин и др.) учебные планы удмуртских школ были пересмотрены в сторону увеличения количества занятий по русскому языку. Даль-

¹ «Союз освобождения финских народностей».

нейший перевод национальных школ на русский язык обучения был простимулирован постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [ЦК ВКП (б)..., 2009, с. 391–394].

По итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г. в целом по Удмуртской АССР грамотность населения в возрасте от 9 до 49 лет составляла 87,1 %, у удмуртов — 81,2 %. Среди мужчин-удмуртов уровень грамотности был значительно выше и составлял 94,3 %, у женщин-удмурток — 70,1 %. Уровень грамотности старших поколений по-прежнему был низким. В целом по республике он составлял 30,4 %, у удмуртов — 17,2 %. Удмуртские женщины в возрасте 50 лет и старше были практически неграмотными — 3,6 % [Всесоюзная перепись... 2002, с. 81, 88].

Во время Великой Отечественной войны на фронт ушли многие квалифицированные учителя-удмурты. Возникший дефицит кадров не мог быть восполнен сократившимся выпуском из педучилищ. В результате во многих школах обучение было переведено на русский язык с пятого класса, а в некоторых — уже с первого. В отдельных школах из-за отсутствия учителей удмуртский язык совсем не преподавался. Необходимо отметить, что война прервала в целом развитие общеобразовательной школы. Работа на производстве и в сельском хозяйстве, отсутствие необходимой одежды и обуви, полуголодное существование стали основными причинами отсева учащихся из школ [Репинецкий, 2010а, с. 64]. Задача возвращения детей в школы была поставлена еще в период Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы шли восстановительные процессы. К проблеме ликвидации неграмотности вернулись в 1958 г. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ликвидации неграмотности среди населения» от 4 января 1958 г. отмечалось наличие в некоторых районах страны значительного числа неграмотных и малограмотных [Там же, с. 66]. На основании изученных документов ЦСУ СССР Г.М. Иванова отмечает, что данных о количестве неграмотных в СССР до проведения послевоенной переписи населения руководство страны не имело [2017, р. 32]. Всесоюзная перепись населения 1959 г. засвидетельствовала снижение образовательного уровня населения у представителей тех возрастных категорий, чья юность пришлось на годы Великой Отечественной войны [Репинецкий, 2010а, с. 64]. В послевоенные годы уделялось особое внимание развитию вечернего образования. В школах рабочей молодежи в основном обучались учащиеся 5–7 классов, но вечернее образование не смогло полностью решить проблему резкого снижения образовательного уровня населения. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., уровень образования удмуртов был ниже, чем по республике в целом, на всех его ступенях (табл. 1). Стоит отметить, что перепись выявила 10 402 неграмотных в возрасте 9–49 лет. Из них удмуртов было 4507 чел. (мужчин — 622 и женщин — 3885), или 43,3 %, что явно превосходило их долю в национальном составе населения республики. В более старшем возрасте удельный вес представителей титульной национальности среди не умеющих читать и писать был еще больше. Из 83 450 неграмотных в возрасте 50 лет и старше насчитывалось 40 648 удмуртов, или 48,7 % [ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 254, л. 2, 5, 6].

Таблица 1

Образовательный уровень населения Удмуртской АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.

Table 1

Educational level of the population of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic according to the All-Union Population Census of 1959

Образование	Все национальности		Удмурты	
	чел.	‰	чел.	‰
Высшее	14422	11	1950	4
Незаконченное высшее	9039	7	2356	5
Среднее специальное	4583	34	9520	20
Среднее общее	42 694	32	9417	20
Семилетнее и незаконченное среднее	201 998	151	65 999	138

Примечание. Составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 254, л. 2–3.

По-прежнему сохранялись гендерные различия в уровне образования удмуртов. Если у мужчин титульной национальности грамотность в возрасте 9 лет и старше достигла 97,1 %, то у удмурток она равнялась 80,9 %. Значительные отличия имелись в старшем возрасте. Напри-

мер, в возрасте 50 лет и старше у удмурток доля грамотных составляла 35,9 %, в то время как у мужчин этой национальности она равнялась 83,0 % [ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 254, л. 2].

3 этап — конец 1950-х — 1980-е гг. — быстрый рост уровня образования населения, в том числе профессионального. Снижение различий в образовательном уровне представителей отдельных народов. Принятый 16 апреля 1959 г. в РСФСР закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР» предоставил родителям право выбора школы [Закон РСФСР..., 1959]. Большая часть национальных школ была переведена на русский язык обучения. С одной стороны, это служило предпосылкой языковой ассимиляции. С другой стороны, лучшее знание русского языка помогло впоследствии народам получать среднее специальное и высшее образование. В 1960-е гг. в СССР была поставлена задача перехода к всеобщему среднему образованию, была расширена сеть учебных заведений профессионального образования, увеличен объем приема в высшие и средние специальные учебные заведения [Репинецкий, 2010b, с. 356]. Выполнение народнохозяйственных задач требовало квалифицированных кадров.

К 1979 г. уровень образования населения Удмуртской АССР несколько подтянулся к общероссийскому показателю, но продолжал ему уступать. В республике на 1000 жителей в возрасте 10 лет и старше приходилось 635 лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием, а в РСФСР — 645 чел. Среднее общее образование имели в РСФСР 188 чел., неполное среднее — 255 чел., начальное — 239 чел. В Удмуртии из каждой 1000 населения в возрасте 10 лет и более со средним общим образованием насчитывалось 203 чел., с неполным средним — 268 чел., начальным — 248 чел. [Численность и состав населения СССР..., 1985, с. 42].

В 1989 г. в Удмуртской АССР удельный вес населения с высшим и средним (специальным, полным и неполным) образованием составил 807 чел. на 1000 жителей в возрасте 15 лет и старше (за этот год статистические органы составляли отчеты в основном в отношении такой категории), тем самым превысив аналогичный показатель по РСФСР (правда, всего на 1 чел.). Больше в республике была доля лиц со средним общим (318 чел.) на 1000 и неполным средним (219 чел.) образованием. Лиц с начальным образованием (129 чел.) было столько же, сколько и в России. Практически идентична общероссийской была доля тех, кто не имел начального образования (65 чел.).

Соотношение образовательного уровня мужчин и женщин в Удмуртии было почти таким же, как в России. У мужчин доля лиц с высшим и средним (специальным, полным и неполным образованием) была равна 864 чел., у женщин — 760 чел. Удельный вес лиц с высшим образованием (92 чел.) у мужчин и женщин совпадал, уступая общероссийскому показателю. С незаконченным высшим образованием у мужчин насчитывалось 13 чел., у женщин — 14 чел. на 1000 населения. Среди лиц, имевших среднее специальное образование, Всесоюзная перепись населения 1989 г. в Удмуртской АССР выявила значительное преобладание женщин (195 чел.) над мужчинами (127 чел.), при этом и у тех, и у других доли были меньше, чем в РСФСР. У мужчин выше был удельный вес лиц со средним общим образованием (385 чел. против 263 чел. у женщин) и неполным средним образованием (247 чел. против 196 чел.). С начальным образованием больше было женщин (141 чел. против 114 чел. у мужчин), без образования — тоже их (99 чел. против 23 чел. у мужчин).

В 1960–1980-е гг. образовательный уровень удмурток значительно вырос. Особенно заметен рост уровня профессионального образования, что было обусловлено расширением выпуска существовавших на территории республики высших и средних специальных учебных заведений. Так, всего за три десятилетия доля удмуртских женщин с высшим образованием увеличилась более чем в 10 раз: с 5 чел. до 52 чел. на каждую тысячу в возрасте 10 лет и старше (в табл. 1 расчет представлен на тысячу населения). У сельских удмурток прогресс был существеннее и означал практически пятнадцатикратное увеличение удельного веса закончивших вузы (табл. 2). По доле лиц с высшим образованием удмуртские женщины сравнивались с мужчинами, а в сельской местности даже значительно опередили их.

Удмуртские женщины стали преобладать и среди тех, кто имел среднее специальное образование, причем как в городах, так и на селе. В 1989 г. в деревнях среди удмуртских женщин можно было встретить обладателей диплома техникума почти в 2 раза чаще, нежели среди мужчин. Гендерные особенности образовательного уровня у удмуртов были почти такими же, как у всего населения Удмуртии, хотя значения, конечно, различались. В 1989 г. у женщин была выше доля лиц с незаконченным высшим, средним специальным, начальным образованием, у мужчин — со средним общим и неполным средним. По доле лиц с высшим образованием к концу рассматриваемого времени наблюдался паритет (табл. 3).

**Уровень образования удмуртов Удмуртской АССР в возрасте 10 лет и старше
(по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.), в ‰**

Table 2

Level of education of udmurts of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic aged 10 years and older
(according to the All-Union Population Censuses of 1959, 1970, 1979, 1989), in ‰

Пол	Год переписи	Имеют образование						
		высшее	незаконч. высшее	среднее специальное	среднее общее	неполное среднее	начальное	не имеют начального образования
<i>Городское и сельское население</i>								
Мужчины	1959	7	8	29	32	237	463	224
	1970	18	10	32	74	295	415	154
	1979 *	32	10	53	210	349	294	52
	1989	52	8	90	371	244	202	33
Женщины	1959	5	6	27	25	166	300	470
	1970	13	6	44	56	219	316	343
	1979 *	26	9	80	157	250	279	198
	1989	52	11	154	240	199	227	117
<i>Городское население</i>								
Мужчины	1959	18	16	43	70	303	420	130
	1970	32	19	46	132	357	323	89
	1979*	49	18	69	280	348	204	31
	1989	68	12	109	413	224	153	21
Женщины	1959	11	14	42	62	248	306	316
	1970	22	13	55	118	305	259	226
	1979*	36	15	96	261	268	195	129
	1989	62	16	169	314	192	168	79
<i>Сельское население</i>								
Мужчины	1959	4	6	25	22	218	475	250
	1970	12	5	26	47	266	457	185
	1979 *	22	5	42	166	350	350	65
	1989	38	6	74	336	260	243	43
Женщины	1959	3	4	24	16	148	298	506
	1970	10	4	39	31	183	339	392
	1979 *	21	5	70	91	237	333	242
	1989	44	6	141	175	205	279	150

Примечание. Составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 491, л. 21; д. 604, л. 5, 7, 41, 43, 77, 79; д. 1087, л. 13, 23, 43, 53, 73, 83.

* Сведения получены расчетным путем.

Таблица 3

**Уровень образования населения Удмуртской АССР в возрасте 15 лет и старше
по данным Всесоюзной переписи 1989 г., в ‰**

Table 3

Level of education of the population of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic
aged 15 years and older according to the All-Union Census of 1989, in ‰

Уровень образования	Все национальности						Удмурты					
	Всего		Городское население		Сельское население		Всего		Городское население		Сельское население	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Высшее	92	92	112	108	45	53	57	57	75	66	42	49
Незаконченное высшее	13	14	15	17	7	8	9	12	13	17	6	7
Среднее специальное	127	195	144	209	86	160	100	167	119	181	83	155
Среднее общее	385	263	394	292	364	192	412	260	450	335	379	192
Неполное среднее	247	196	229	189	289	214	266	212	240	202	288	221
Начальное	114	141	90	111	171	214	131	173	89	120	168	221
Не имеющие начального образования	23	99	16	74	38	160	25	119	14	79	34	155

Примечание. Составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 1087, л. 13, 23, 43, 53, 73, 83; Всесоюзная перепись населения 1989 г. ... (дата обращения: 24.01.2024).

Среди удмуртов — городских жителей доля женщин с высшим образованием была ниже, чем среди мужчин (66 ‰ против 75 ‰), и, наоборот, в сельской местности доля женщин-удмурток с высшим образованием была выше, чем доля мужчин-удмуртов (49 ‰ против 42 ‰). Объясняется подобное, скорее всего, профессиональными особенностями. То есть в городах было много инженерных работников, как правило, мужчин. В деревнях большую долю лиц с высшим образованием давали «женские» профессии (учителя, врачи). Например, в 1989 г. у удмуртов в городах республики в промышленности было занято 33 369 мужчин и 30 305 женщин, а в народном образовании — соответственно 1443 и 7633 чел. На селе в промышленности работало 7666 мужчин и 5272 женщины, в народном образовании — соответственно 1999 и 10 813 чел. [ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 1090, л. 9, 10, 12, 13]. Несмотря на высокие темпы роста уровня образования удмуртов за 70-летний период так и не удалось достичь среднего показателя по республике по числу лиц с высшим образованием. На наш взгляд, причина заключается в начальном низком уровне. В 1989 г. старшие поколения удмуртов в основном были без высшего образования, и это влияло на общую статистику у титульной нации. Так, в 1989 г. в УАССР на 1000 чел. в возрасте 70 лет и старше приходилось 24 русских и только 11 удмуртов [ЦГА УР. Ф. Р-845, оп. 5, д. 1087, л. 3, 5]. Очевидно, что со временем уровень удмуртов будет подтягиваться к общереспубликанскому.

Как и у населения Удмуртии в целом, у удмуртов была большей доля женщин без начального образования. Даже в 1989 г. на каждую 1000 населения в возрасте 15 лет и старше у удмуртов приходилось 119 женщин против 25 мужчин, т.е. почти в пять раз больше. Особенно много удмурток без образования оставалось в сельской местности (155 чел.). Большинство женщин без начального образования было в возрасте от 70 лет и старше — у удмурток этот показатель равнялся 707 чел. на каждую 1000 населения среди десятилетних и старше. Любопытно, что в возрасте 65–69 лет доля не имеющих даже начального образования равнялась уже 206 чел., а у тех, кто был моложе, удельный вес был еще меньше. То есть и тут рубеж в 70 лет являлся переломным. В сельской местности ситуация выглядела еще показательнее. Доля тех, кто не имел начального образования, у удмурток — жительниц села в возрастной категории 65–69 лет равнялась 245 чел., а 70-летних и старше — 763 чел. на 1000 населения в возрасте 10 лет и старше [ЦГА УР. Ф. Р-845, д. 1087, л. 23, 83].

Заключение

Таким образом, в начале рассматриваемого периода большая часть населения Вотской автономной области была неграмотной. Особенно много не умеющих читать и писать было среди селян и женщин. Удельный вес неграмотных значительно превышал аналогичный показатель в целом по России. Благодаря образовательной политике большевиков, в том числе за счет создания национальной школы, число грамотных стремительно росло. Обучение грамоте в меньшей степени затронуло сельских жителей средних и старших возрастов. Данный факт будет влиять на структуру уровня образования удмуртов на протяжении всего изучаемого периода. Грамотность у женщин была распространена значительно меньше, чем у мужчин. В 1939 г. среди удмуртов в возрасте от 9 лет и старше мужчин — 85,0 %, среди удмурток — 56,9 %. К 1959 г. доли грамотных увеличились, но у удмуртских женщин по-прежнему уровень образования был ниже. Если у мужчин титульной национальности грамотность достигла 97,1 %, то у удмурток она равнялась 80,9 %. С конца 1950-х по 1980-е гг. после преодоления последствий Великой Отечественной войны происходил быстрый рост образовательного уровня удмуртских женщин, в том числе профессионального. К концу 1980-х гг. произошел существенный сдвиг в показателях уровня образования жителей региона. Во-первых, уровень образования мужчин и женщин практически достиг показателей по РСФСР в целом. Во-вторых, наблюдается размывание этнических различий в образовательном уровне. В-третьих, отмечается паритет в уровне образования мужчин и женщин, но появляются различия в ступенях образования. Женщины преобладали среди лиц с высшим, незаконченным высшим, средним специальным образованием и среди лиц, не имеющих начального образования. В-четвертых, сохраняются возрастные различия в уровне образования.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ажигулова А.И., Чернышева Н.В., Уваров С.Н. Динамика брачного состояния удмуртов Удмуртии в 1959–1989 гг. // Финно-угорский мир. 2023. № 3. С. 301–309. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309>

- Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с.
- Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 1. С. 21–39. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00002>
- Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР: (Этнодемографический аспект). М.: Статистика, 1977. 128 с.
- Будник Г.А. Высшее инженерно-техническое образование женщин: История и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. С. 37–44.
- Васильева О.И. Удмуртская интеллигенция: Формирование и деятельность. 1917–1941 гг. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 209 с.
- Васильева О.И., Воронцов В.С. Национальная школа в Удмуртии: история и современность // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 2. С. 70–85.
- Васильева О.И., Воронцов В.С. «...Как свет для горного растения»: Кузубай Герд о значении и задачах дошкольного воспитания удмуртских детей // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 2. С. 258–273. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-258-273>
- Иванова Г.М. Государственная политика ликвидации неграмотности в СССР в 1950–1960-е гг. // Oriental Studies. 2017. Vol. 29. № 1. P. 27–37. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-29-1-27-37>
- Корнилов Г.Е. Индекс грамотности сельского населения Урала в 1897–1939 гг. // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19-1. С. 28–41.
- Мацук А.М. Специалисты среднего звена в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 1. С. 53–64. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.01.53-64>
- Никулина Т.Е. Становление и развитие советской системы начального школьного образования (1920–1934 гг.) // Из истории народного образования в Удмуртии. Ижевск: Изд-во Удмуртского ИУУ, 1996. С. 66–86.
- Обухов А.П. Народное образование в Удмуртской АССР: (1917–1970 гг.). Ижевск: Удмуртия, 1972. 231 с.
- Пономарев К.А. Ко всеобщему среднему. Ижевск: Удмуртия, 1975. 170 с.
- Пономарев К.А. Развитие народного образования Удмуртии в 70–80-х годах // Из истории народного образования в Удмуртии. Ижевск: Изд-во Удмуртского ИУУ, 1996. С. 101–118.
- Репинецкий А.И. Война и образовательный уровень населения России // Российская история. 2010а. № 4. С. 63–69.
- Репинецкий А.И. Грамотность и образовательный уровень российского населения в 1960–1970-е гг. // Труды Института российской истории РАН. 2010б. № 9. С. 354–373.
- Уваров С.Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг. Ижевск: Ижевская ГСХА, 2019. 283 с.
- Удмурты: Историко-этнографические очерки / Науч. ред. В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.
- Фролова Г.Д. Из истории удмуртской школы. Ижевск: Удмуртия, 1971. 156 с.
- Хасбулатова О.А. Женщины и образование в России: Исторический обзор (1860–2000 гг.) // Женщина в российском обществе. 2003. № 1–2. С. 31–35.
- Хасбулатова О.А. Профессиональное образование мужчин и женщин в России в 1918–2015 гг.: Историко-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. С. 3–16.
- Хасбулатова О.А. Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 3–15. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.1>
- Христолюбова Л.С. Женщина в удмуртском обществе, XVIII — начало XXI в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 328 с.
- Шкляева Н.А. Развитие общего образования в Удмуртии в 1945–1965 гг. // Из истории народного образования в Удмуртии. Ижевск: Изд-во Удмуртского ИУУ, 1996. С. 87–100.

ИСТОЧНИКИ

- Вотская автономная область: Природа, культура, хозяйство, 1921–1926. Ижевск: Изд. Облсполкома, 1926. 34 с.
- Всесоюзная перепись населения 1989 г.: Все население, городское, сельское в возрасте 15 лет и старше СССР, РСФСР, ее автономных республик, автономных областей и округов, краев и областей по уровню образования и полу. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_89.php?reg=55 (дата обращения: 24.01.2024).
- Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сб. материалов / Сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.
- Закон РСФСР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР» от 16 апреля 1959 г. URL: <https://base.garant.ru/71031164/> (дата обращения: 24.01.2024).
- Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 62 а, 254, 491, 604, 1087, 1090.
- ЦК ВКП (б) и национальный вопрос: В 2 кн. Кн. 2: 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1094 с.
- Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Статистический сборник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1985. 366 с.

^a Udmurt State Agrarian University
 Studencheskaya st., 11, Izhevsk, 426069, Russian Federation

^b Institute for Demographic Research of the FRSC RAS
 Fotieva st., 6, bldg. 1, Moscow, 119333, Russian Federation
 E-mail: sergey.uvarov@mail.ru (Uvarov S.N.); natiche84@mail.ru (Chernysheva N.V.)

Dynamics of the educational level of Udmurt women in the 1920s–1980s: main trends and results

The paper presents the study of the educational level of Udmurt women in the 1920s–1980s. The methodology of the study is based on the theory of modernisation. The transition from the traditional society to modern is considered through the prism of the cultural changes that took place in the Soviet society, the most important component of which was the increase of the level of education within the population. The authors used general scientific methods (analysis, generalisation, description, systematisation), special-historical methods (historical-chronological, historical-genetic and historical-systematic), as well as statistical methods used in demography. As the main sources, the study employed population census materials, including those unpublished (Russian Census of 1920 and Soviet Censuses of 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, and 1989). Some of the documents containing information about the population are introduced into scientific discourse for the first time. The authors distinguish and characterise 3 stages. In the 1920s, the most important objective was to combat illiteracy and create national schools. It is concluded that the level of education of the Udmurt population, especially Udmurt village women, was significantly lower than that in the region and in the Russian Republic in general. This tendency would manifest itself throughout the entire study period. In the 1930s–1950s, there was a gradual change of the objectives of educating people of particular nationalities, among other, under the influence of the wartime factors. In the 1950s–1980s, there was a gradual increase in the level of education of Udmurt women, including professional education, and dilution of ethnic and gender differences, whilst the age differences in the level of education remained.

Keywords: udmurts, women, level of education, Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic, Soviet period.

Funding. The research was carried out through a grant from the Russian Science Foundation No 23-28-01604, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01604/>

REFERENCES

- Azhigulova, A.I., Chernysheva, N.V., Uvarov, S.N. (2023). Dynamics of the marital status of the udmurts of Udmurtia in 1959–1989. *Finnou-ugorskiy mir*, (3), 301–309. (Rus.). <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309>
- Arkhangel'skiy, V.N., Zin'kina, YU.V., Shul'gin, S.G. (2019). Fertility in women with different levels of education: current status and forecast scenarios. *Narodonaseleniye*, 22 (1), 21–39. (Rus.). <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00002>
- Arkhangel'skiy, V.N. (2006). *Fertility factors*. Moscow: TEIS. (Rus.).
- Bondarskaya, G.A. (1977). *Fertility in the USSR: (Ethnodemographic aspect)*. Moscow: Statistics. (Rus.).
- Budnik, G.A. (2015). Higher engineering and technical education of women: History and current trends. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (3–4), 37–44. (Rus.).
- Frolova, G.D. (1971). *From the history of the Udmurt school*. Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).
- Ivanova, G.M. (2017). State policy of eliminating illiteracy in the USSR in the 1950s–1960s. *Oriental Studies*, 29 (1), 27–37. (Rus.). <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-29-1-27-37>
- Khasbulatova, O.A. (2003). Women and education in Russia: historical review (1860–2000). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (1–2), 31–35. (Rus.).
- Khasbulatova, O.A. (2015). Professional education of men and women in Russia in 1918–2015: Historical and sociological analysis. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (3–4), 3–16. (Rus.).
- Khasbulatova, O.A. (2016). Gender aspects of the development of STEM education in Russia. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (3), 3–15. (Rus.). <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.1>
- Khristolyubova, L.S. (2006). *Woman in Udmurt society, XVIII — early XXI centuries*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (Rus.).
- Kornilov, G.Ye. (2015). Literacy index of the rural population of the Urals in 1897–1939. *Istoriko-pedagogicheskiye chteniya*, (19-1), 28–41. (Rus.).
- Matsuk, A.M. (2023). Mid-level specialists in the Finno-Ugric republics of the RSFSR in the second half of the 1950s – early 1960s. *Finnou-ugorskiy mir*, 15 (1), 53–64. (Rus.). <https://doi.org/10.15507/2076-2577.015.2023.01.53-64>
- Nikulina, T.E. (1996). Formation and development of the Soviet system of primary school education (1920–1934). *Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Udmurtii*. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo IUU, 66–86. (Rus.).

* Corresponding author.

- Obukhov, A.P. (1972). *Public education in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic: (1917–1970)*. Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).
- Pimenov, V.V. (Ed). (1993). *Udmurts: Historical and ethnographic essays*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN.. (Rus.).
- Ponomarev, K.A. (1975). *Towards the universal average*. Izhevsk: Udmurtia. (Rus.).
- Ponomarev, K.A. (1996). Development of public education in Udmurtia in the 70–80s. In: *Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Udmurtii*. Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo IUU, 101–118. (Rus.).
- Repinetskiy, A.I. (2010a). War and the educational level of the population of Russia. *Rossiyskaya istoriya*, (4), 63–69. (Rus.).
- Repinetskiy, A.I. (2010b). Literacy and educational level of the Russian population in the 1960–1970s. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*, (9), 354–373. (Rus.).
- Shklyayeva, N.A. (1996). Development of general education in Udmurtia in 1945–1965. In: *Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Udmurtii*. Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo IUU, 87–100. (Rus.).
- Uvarov, S.N. (2019). *Ethnodemographic processes in Udmurtia in 1959–1989*. Izhevsk: Izhevskaya GSKhA. (Rus.).
- Vasil'yeva, O.I. (1999). *Udmurt intelligentsia: Formation and activity. 1917–1941*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. (Rus.).
- Vasil'yeva, O.I., Vorontsov, V.S. (2013). National school in Udmurtia: History and modernity. *Yezhegodnik finno-ugorskiikh issledovaniy*, (2), 70–85. (Rus.).
- Vasil'yeva, O.I., Vorontsov, V.S. (2019). “...Like light for a mountain plant”: Kuzebay Gerd on the significance and tasks of preschool education of Udmurt children. *Yezhegodnik finno-ugorskiikh issledovaniy*, 13(2), 258–273. (Rus.). <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-258-273>

Уваров С.Н., <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>

Чернышева Н.В., <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

Сведения об авторах:

Уваров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск.

Чернышева Наталья Викторовна, доктор исторических наук, доцент, руководитель отдела исторической демографии, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва.

About the authors:

Uvarov, S.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the department, Udmurt State Agrarian University, Izhevsk.

Chernysheva, N.V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Historical Demography, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FRSC RAS, Moscow.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 30.05.2024

Article is published: 15.09.2024